

Айгюн Азимова

<https://orcid.org/0000-0002-1119-1856>

Senior researcher, at A. A. Bakikhanov Institute of History and Ethnology, of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Azerbaijan, aygun.azimova77@gmail.com

Atf Künyesi | Citation Info

Азимова, А. (2024). ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БАКУ ВЕСНОЙ 1918 ГОДА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ГЕНОЦИДУ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ. *Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi*, 11 (2), 927-954, <https://doi.org/10.46868/atdd.2024.726>

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БАКУ ВЕСНОЙ 1918 ГОДА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ГЕНОЦИДУ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Резюме

В статье рассматривается событие мартовского геноцида 1918 г. и проясняется ряд, противоречивых вопросов, связанных с ним. Определяются комплексные факторы, приведшие к возникновению большевистско-дашнакского союза в Баку в марте 1918 г, в том числе степень влияния на происходящие события политической позиции С. Шаумяна. Показано, что насилие, совершаемое в отношении мусульман в Азербайджане, оказало влияние на формирование непримиримой позиции мусульманского населения против Бакинского Совета. Выявляются вопросы, связанные с реальной численностью и положением азербайджанских национальных сил. Рассматривается направляющее влияние на ход событий деятельности мусульманского населения, проявившей непримиримость к бакинской советской власти. Комплексно представлены объективные и субъективные причины событий. Источниковую базу статьи составили материалы Чрезвычайной следственной комиссии, созданной во времена Азербайджанской Республики, материалы периодической печати и воспоминания современников.

Ключевые слова: мартовский геноцид, Бакинский Совет, азербайджанские национальные силы, большевики, дашнаки

The Socio-Political Crisis in Baku in the Spring of 1918: From Confrontation to Genocide of Azerbaijanis

Abstract

The article examines the event of the March 1918 genocide and clarifies a number of controversial issues related to it. Complex factors that led to the emergence of the Bolshevik-Dashnak alliance in Baku in March 1918 are identified, including the extent to which S. Shaumyan's political position influenced the events. It is shown that the violence committed against Muslims in Azerbaijan influenced the formation of irreconcilable position of the Muslim population against the Baku Soviet. Issues related to the real number and position of Azerbaijani national forces are revealed. The guiding influence on the course of events of the activity of the Muslim population, which showed irreconcilability to the Baku Soviet power, is considered. Objective and subjective reasons of the events are comprehensively presented. The source base of the article was made up by materials of the Extraordinary Investigation Commission created in the times of the Azerbaijan Republic, materials of the periodical press and memoirs of contemporaries.

Keywords: March genocide, Baku Soviet, Azerbaijani national forces, Bolsheviks, Dashnaks

Введение

Одним из наиболее широко освещенных в современной азербайджанской историографии вопросов являются события, имевшие место в Баку в 1918 году. Эти события, с учетом их причин, хода и результатов, характеризуются как геноцид. Между тем, вследствие непроясненности ряда моментов, ответ современной азербайджанской историографии на следующий вопрос – «Почему произошел геноцид?» – не полностью отражает историческую реальность. Основной причиной тому является выпячивание при анализе событий самого факта трагедии. Тогда как трагедия явилась производной той политической борьбы, которая охватила Азербайджан в 1917-1918 годах.

Учитывая чувствительное отношение азербайджанского народа к трагическим событиям рассматриваемого периода, исследователи вновь и вновь обращают к ним свое внимание. Однако известно, что для неповторения трагедий в истории того или иного народа ему следует извлекать из них должные уроки, единственный путь к чему лежит сугубо через непредвзятое исследование самой истории. Поскольку именно отношение к трагическим событиям собственной истории напрямую влияет на определение исторической судьбы народов и формирование их этнопсихики.

Регулярно переживаемые трагедии порождают у народа «психологию жертвы», что становится своего рода психологическим барьером на пути его национального развития. Непреодоление этого барьера приводит к тому, что у народа на этнопсихологическом уровне нарастает агрессия, мешающая установлению

конструктивных отношений с другими народами. Подобная опасность существует и в случае с отношением к истории мартовского геноцида 1918 года. Поэтому более важен ответ не на вопрос «Каким образом и какими средствами был осуществлен геноцид?», а на вопрос «По какой причине произошел геноцид?». Безусловно, все вышеуказанное продолжает обуславливать необходимость комплексного рассмотрения сложного вопроса о причинах бакинских событий 1918 года как объекта исследования.

1- Факторы, обусловившие создание большевистско-дашнакского альянса в Баку в марте 1918 года

В начале 1918 года все более обостряющиеся национальные и политические противоречия на Южном Кавказе подошли к стадии развязки узлов. 3 марта, вскоре после состоявшегося 23 февраля открытия Закавказского Сейма, был заключен Брест-Литовский мир между Советской Россией и Германией. Отголоском этого события стало обострение отношений между политическими силами Южного Кавказа.

В исследуемый период первейшим условием реализации как мечты азербайджанских национальных сил об автономии, так и планов большевиков по установлению их полного контроля над Кавказом, выступало укрепление позиций в Баку. Большевикам, уже установившим свою власть в Баку, для распространения ее вначале на всю губернию, а затем и на другие территории Азербайджана, необходимо было подавить национальные силы. Кроме того, рано или поздно Бакинский Совет должен был вовлечься и в борьбу на Северном Кавказе, а для этого также следовало устранить потенциальную угрозу «с тыла» – в лице национальных сил Азербайджана. В то же время Баку, где проживали тысячи армян, среди которых было немало представителей буржуазии, занимал важное место также и в стратегических планах армянских политических сил, прежде всего партии «Дашнакцутюн». Наконец, для представленных в Бакинском Совете общероссийских социалистических партий – эсеров и меньшевиков – неприемлемым было отделение Кавказа от России.

По Брест-Литовскому миру, Советская Россия отказывалась от Карса, Ардагана и Батума. Закавказский Сейм оказался лицом к лицу с претендующей на эти территории Османской империей. С этого времени социалисты и дашнаки прониклись убежденностью в том, что азербайджанские национальные силы являются союзниками турок.

Согласно дополнительному 5-му пункту 1-ой статьи Брест-Литовского договора, Россия взяла на себя обязательство полностью разоружить и распустить армянские

добровольческие отряды на занятых русскими войсками во время войны турецких территориях и в пределах самой России (Нәсәнлі, 2009, с. 37). Однако вскоре выяснилось, что большевистское правительство продолжает поддерживать идею армянской автономии, создавая также основу и для альянса между большевиками и дашнаками в Баку.

Возобновление военных операций Османского государства, его успехи на фронте вынудили Закавказский Сейм вступить с ним в переговоры. 14 марта (1 марта по старому стилю) открылась Трабзонская конференция. Одним из требований делегации Заксейма было обсуждение вопроса о создании армянской автономии внутри Османского государства. Тем самым, вопрос армянской государственности мог найти свое решение и без участия большевиков. Однако турецкая сторона расценила позицию Сейма как вмешательство в ее внутренние дела.

В тот момент военная интервенция держав Антанты, прежде всего Англии, на Кавказ с целью ослабления позиций Османского государства еще не представлялась реальной. Сложилась благоприятная ситуация для укрепления Османского государства, тем более что выявились серьезные противоречия между политическими силами внутри Заксейма. Одной из ключевых характеристик регионального расклада было то, что борьба против Османского государства, которое стимулировало и порой даже направляло деятельность азербайджанских национальных сил, превратилась в общий интерес для большевиков и дашнаков.

В начале марта, после разгона большевистского митинга протеста в Тифлисе в день открытия Заксейма, Степан Шаумян, чья деятельность в качестве временного чрезвычайного комиссара Кавказа фактически потерпела провал, вернулся в Баку. Не справившись с должностью чрезвычайного комиссара, он теперь полностью сконцентрировался на закреплении своей власти в Баку и в Бакинской губернии в целом. Достаточно сильные позиции дашнаков в Бакинском Совете обеспечивали для Шаумяна благоприятную возможность, в целях реализации его планов, переключать деятельность этого органа власти в то или иное направление. Безусловно, наличие в большевистской партии немалого числа армян оказало влияние на взаимоотношения большевиков и дашнаков. Уже само то, что бакинских большевиков возглавлял армянин по национальности, было значительным фактором. Во всяком случае, это имело значение для дашнаков, причем вне зависимости от личной позиции Шаумяна по данному поводу. В воспоминаниях гумметиста Г. Султанова приводится следующий факт: «Был заместитель председателя Совета дашнак Аракелов. Он говорил, что мы гордимся, что

такая личность как Шаумян мог выйти из армянской нации. Он мне это неоднократно говорил» (Azərbaycan xalqına qarşı 1918-ci il mart soyqırımı, 2010, s. 290).

В ряду факторов, обусловивших формирование в Баку альянса большевиков и дашнаков, были также и политические процессы на Северном Кавказе. Здесь большевики вели борьбу с силами самого различного спектра. После взятия 24 марта военными силами национального лидера горцев Н. Гоцинского города Петровск была прекращена связь Баку как с Северным Кавказом, так и с Царицыном. Это усугубило кризис в деле продовольственного снабжения Баку и, можно сказать, поставило под вопрос власть Бакинского Совета.

Другим фактором, обусловившим создание большевистско-дашнакского альянса, было то, что большевики не имели абсолютного военного превосходства в Баку. С переездом Военно-революционного комитета (ВРК) Кавказской армии из Тифлиса в Баку процесс организации военных сил Бакинского Совета значительно ускорился. Уже к концу марта численность военных сил Бакинского Совета, вместе с гвардией, красноармейскими частями и флотилией, превысила 7 тысяч человек (Darabady, 1991, с. 106). Примерно 3500 из них составляли сформированные из рабочих отряды красной гвардии. При этом нехватка достаточного числа именно большевистских военных сил не позволяла рассчитывать на осуществление Советом «своей политической миссии». Возвращающиеся с Кавказского фронта солдаты русской армии не хотели оставаться в Баку. Но, вместе с тем, Бакинский Совет смог приобрести значительное количество оружия у эвакуируемой из Ирана русской армии (корпус Н. Баратова).

В условиях отсутствия у большевиков достаточной военной силы армянские военные формирования, планировавшие отправиться на войну в Турцию, сосредотачивались в Баку. С конца декабря 1917 года располагавшийся в Петрограде Армянский военный комиссариат отправлял армянскому корпусу на Кавказе оружие и боеприпасы. Тем самым, в случае перехода в руки армянских сил порта, железнодорожной станции, нефтяных промыслов Баку, у них появлялась возможность контролировать военно-политическое положение во всем регионе. С того же времени в Баку приступили к организации 2-го армянского резервного полка (Ваку (1918), 1 уапуага № 3), к середине февраля 1918 года полностью сформировался его офицерский состав (Ваку (1918), 18 fevralya, №39). Согласно армянскому автору Х. Дадаюну, в рассматриваемый период в Баку скопилось около 10 тысяч армянских солдат,

прибывших с Кавказского фронта, из Ирана и Северного Кавказа (Dadayan, 2007, с. 95). После того как в начале марта в Баку прибыли из Петербурга высокопоставленные чины Армянского военного комиссариата (А. Багратуни, И. Баграмян и другие), Армянский Национальный Совет, опираясь на сконцентрировавшуюся у него в руках военную силу, получил возможность ставить перед большевиками свои условия.

Армянские формирования, со своим оружием и боеприпасами, подлежали отправке на фронт военных действий в Турции. Однако контроль (пусть и неполный) азербайджанских национальных сил над проходящей через Елизаветпольскую губернию частью Закавказской железной дороги создавал препятствия на пути движения армянских военных сил. В такой ситуации 15 (2 марта) было созвано расширенное заседание Бакинского Совета, на котором Шаумян раскрыл ближайшие планы возглавляемого им властного органа. Председатель Бакинского Совета акцентировал внимание на угрозе отделения Южного Кавказа от России, а также на том, что одной из порождающих ее причин являются азербайджанские национальные силы. На Исполнительный комитет Бакинского Совета была возложена задача осуществить меры в целях ликвидации отдельных национальных военных частей или вывода их из города, а также подчинения всех дислоцированных в городе военных частей Бакинскому Совету и ВРК Кавказской армии (Bolsheviki v borbe..., 1957, с. 317). 16 (3 марта) на основании того же доклада Шаумяна была принята предложенная большевиками резолюция Бакинского Совета. В резолюции в качестве основной мишени были указаны азербайджанские национальные силы (Bolsheviki v borbe..., 1957, с. 317).

Армянский эмигрант С. Афанасян, затрагивая в своей книге тему декрета о «Турецкой Армении», подчеркивает, что дашнакская партия приняла предложение Шаумяна об организации единого фронта против турок (Afanasiyan, 2012, с. 49). Тем самым, можно говорить о том, что основа большевистско-дашнакского альянса, сформированного в марте 1918 года, была заложена раньше этой даты, а сама подобная инициатива исходила от большевика Шаумяна. Одним словом, был достигнут результат, отвечающий интересам и большевиков, и дашнаков. При этом Шаумян так обосновывал неприемлемость бездеятельности Бакинского Совета: «Если он (Бакинский Совет – А. А.) не пойдет против контрреволюционеров, то они сами придут к нам. Ведь мусульманские националисты мечтают сделать Баку столицей Азербайджана» (Şaumyan, 1978, с. 236).

Следует особо подчеркнуть, что в тот же период Шаумян получил от Сталина письмо, в котором говорилось о возможности уступок мусульманам в вопросе автономии

(Ratgauzer, 1927, с. 140). Письмо было отправлено посредством новоназначенного «Чрезвычайного комиссара Средней Азии и Баку» П. А. Кобозева. В ситуации, когда отношения Закавказского Сейма с Турцией неуклонно вели к войне между ними, Сталин, осознавая необходимость укрепления Баку в военном и финансовом плане, считал целесообразным пойти навстречу требованиям мусульман об автономии, но предлагал предоставить им ее при условии признания с их стороны Советской власти в центре и на местах. Незамедлительно было дано указание создать при Бакинском Совдепе мусульманский отдел и распространять соответствующую литературу (на азербайджанском языке –А.А) в пропагандистских целях (Bolsheviki v borbe, 1957, с. 331).

Отдельно стоит остановиться на политической позиции мусульманских социалистов. Они открыто озвучивали лозунг автономии в рамках федеративной России (АОРДУДРА, фонд 276, opis №3, delo №209, list 45-48), однако их слабость способствовала тому, что он оставался неуслышанным.

В целом, накануне мартовских событий основными факторами, обусловившими создание альянса большевиков и дашнаков в Баку, явились усиление азербайджанского национально-демократического движения и военно-политическая активизация Османской Турции на Южном Кавказе. Скопление в этот период в Баку значительных армянских военных сил ставило большевиков в зависимое от дашнаков положение. А политическая позиция и амбиции Шаумяна, его авторитет, признаваемый обеими этими силами (не только большевиками, но и дашнаками), выступая в качестве субъективного фактора, предоставляли большевистско-дашнакскому альянсу дополнительные возможности для утверждения.

Необходимо подчеркнуть, что в сложившейся ситуации тот факт, что большевики, в первую очередь сам Шаумян, определили партию «Мусават», в целом азербайджанское национальное движение, своей мишенью, вызывал обеспокоенность у меньшевиков – традиционных политических оппонентов большевистской партии. Этот вопрос был обсужден 27 (14) марта на заседании Бакинского комитета меньшевиков. По их мнению, «вопреки воле народа, без учета народного сознания силой уничтожить реакционную партию (таковой меньшевики считали партию «Мусават» – А. А.) является безумным шагом. Этот шаг еще более усилит ее» (Nash golos, 1918, 18 marta, № 58). Меньшевистская печать писала: «Бакинский Совет вступил на опасный, чреватый ужасными последствиями, путь», предвидя как раз то, что борьба с партией «Мусават»

даст обратный результат, то есть усилит ее политические позиции (Nash golos, 1918, 16 marta, №56). Но, поскольку меньшевики в тот период составляли меньшинство в Совете, их мнение не могло оказать существенного влияния на позицию этого властного органа.

2-Влияние ситуации в Бакинской губернии на позицию мусульманского населения

Несмотря на то, что Бакинский Совет, сконцентрировавший в своих руках управление городом, стремился в январе-феврале 1918 года распространить свою власть на всю территорию Бакинской губернии, добиться этого ему не удалось. В указанный период в уездах Азербайджана, как и на всем Кавказе фактически царила анархия. Хотя позиции национальных сил Азербайджана и начали укрепляться в уездах, находившихся под управлением Закавказского Сейма, но это происходило, по сути, формально, в правовом отношении. Поскольку азербайджанское национальное движение, не обладавшее в тот момент организованной военной силой, в целом не могло контролировать ситуацию.

Мусульманское население Бакинской губернии обращало свои взоры на действовавший в Баку Мусульманский комитет, а немусульманское – на свои национальные комитеты или же на Бакинский Совет. Нестерпимое социально-экономическое положение в уездах обостряло социальные и межнациональные противоречия. Несмотря на абсолютное численное преобладание азербайджанцев в губернии, отсутствие у азербайджанских национальных сил политической власти и военной силы ставило мусульманское население в беспомощное положение.

Периодическая печать того периода дает возможность получить достаточно полное представление о сущности власти Бакинского Совета и происходивших в губернии событиях. Так, в Ленкорани и на Мугани возникло противостояние между мусульманами и русскими колонистами. 14 (1) марта Бакинский Совет отправил в Ленкорань военный отряд на корабле «Жандр». Представители русских колонистов, придя на корабль, с волнением стали рассказывать о насилии, чинимом мусульманами над русскими в Джавадском уезде. В то время племена шахсеванов, проживающие на севере Ирана, испытывая нехватку продовольствия, постоянно совершали нападения на земли севернее реки Араз, в особенности на Мугань. Хозяйства не только местных колонистов, но и мусульман, подвергались грабежу. В телеграмме, отправленной представителем Ленкоранского Совета рабочих депутатов М. Мамедовым в Межпартийный комитет (сменил Мусульманский комитет – А.А.), сообщалось о прибытии отряда Бакинского Совета и выражалась просьба урегулировать ситуацию (Nash golos, 1918, 7 marta, № 48).

Мусульманское население не захотело пропускать вооруженный отряд в свои селения, которые простирались от деревни Николаевка, где проживали колонисты, в направлении Пришиба. Произошло столкновение, и, пользуясь этим, колонисты напали на мусульманские селения и стали поджигать их. В некоторых газетах было опубликовано сообщение о поджоге 7 мусульманских сел (İttihad, 1918, 18 mart, № 82). Между тем, помимо отряда Бакинского Совета, на Мугань двинулся также и отряд русских добровольцев численностью в 100 человек, возглавляемый Павловым (Açıq söz, 1918, 4 mart, №695).

С учетом обострившейся ситуации, комиссар железных дорог Горбунов и комиссар почт и телеграфа Рызаев в телеграмме, направленной Бакинскому Совету и партии «Мусават», просили немедленно отправить в регион делегации с широкими полномочиями (Nash golos, 1918, 13 marta, № 53).

Напряженность охватила и Шамахинский уезд, где нарастало противостояние между мусульманами и армянами. Прибывший во второй половине марта в Баку начальник Шамахинского гарнизона вернулся обратно с предоставленными Бакинским Советом вооруженным отрядом и большим количеством оружия (АОРДУДАР, fond 276, opis 2, delo 224, list 16, 18, 31). Гумметист С. М. Эфендиев из Межпартийного комитета 25 (12) марта сообщил Шамахинскому Мусульманскому Совету о направлении в уезд отряда численностью в 1200 человек. Учитывая возникшую напряженность, в Шамахе 26 (13) марта прибыли также и представители партии «Мусават» и Межпартийного комитета. Но переговоры с вооруженным отрядом не дали результата, ситуация еще более обострилась.

Поступавшие в течение всего марта тревожные сообщения по-разному воспринимались различными группами населения Баку, нагнетая напряженность в городе. В неазербайджанских печатных органах публиковались сообщения об уничтожении христианского населения уездов и отправке военных сил Бакинского Совета в Ленкорань и Шамахе для борьбы с мусульманами. О событиях рассказывала и азербайджанская национальная печать, которая, однако, с тревогой сообщала о бедственном положении мусульман. Эти сообщения будоражили чувства мусульман, поскольку русские и армянские отряды, хоть и отправлялись в уезды для того, чтобы положить конец беспорядкам, но фактически преследовали задачу покарать мусульман.

Поэтому резкая реакция мусульманского населения на события была естественной и понятной.

Необходимо подчеркнуть, что еще с начала 1918 года в Баку распространялись слухи о нападении одной национальной группы на другую. И хотя предсказать масштабы и подробности будущей трагедии было невозможно, само свершение ее в городе Баку было достаточно ожидаемым.

3-Вопрос вооружения азербайджанских национальных сил

Как известно, Мартовская трагедия произошла началась после резкой реакции мусульманского населения на разоружение военнослужащих-мусульман на корабле «Эвелина». Этому предшествовало прибытие в Баку из Ленкорани группы входящих в мусульманскую дивизию солдат и офицеров численностью около 300 человек. Они прибыли 27 марта на корабле «Эвелина» для участия в похоронах погибшего от неосторожного обращения с оружием сына Гаджи Зейналабдина Тагиева Мамеда Тагиева. Когда же они 29 марта собирались вернуться обратно в Ленкорань, Бакинский Совет отправил в порт многочисленный отряд вооруженных гвардейцев, большинство из которых были армянской национальности, с целью разоружения военнослужащих-мусульман. Последние не захотели подчиниться этому решению Бакинского Совета, но были насильно разоружены красногвардейцами.

Советская историография характеризовала выступление мусульманского населения как «мусаватистский мятеж» и объясняла разоружение мусульманских солдат и офицеров с корабля «Эвелина» тем, что они, якобы, пытались доставить оружие из Баку в Ленкорань для мусульманских военных сил. Насколько правдивой была эта большевистская версия?

Следует подчеркнуть, что организация мусульманских военных сил в тот период ни для кого не была секретом. Этот процесс начался с конца 1917 года. После Эрзинджанского перемирия Кавказский фронт начал разрушаться, и в ходе состоявшегося 19 (6) декабря 1917 года в Закавказском Комиссариате обсуждения ситуации, сложившейся в Баку и Дагестане, было заявлено о необходимости усиления борьбы с большевизмом и создания национальных военных сил (Süleymanov, 2014, с. 128) Комплектование армянских и грузинских военных сил стала проводиться на основе уже существующих военных частей. Однако у азербайджанцев подобных частей не существовало. Поэтому 11 декабря 1917 года Заккомиссариат принял постановление о создании Мусульманского корпуса. Назначенный командиром Мусульманского корпуса генерал Алиага Шихлинский прибыл 31 декабря в Елизаветполь (Гянджу) (Süleymanov,

2014, с. 131) и приступил к его организации. В первую очередь были разоружены дислоцированный в Гяндже 219-й полк, а затем 4-й и 7-й пограничный полки в Ленкоранском уезде. В результате разоружения русских военных сил в Шамхоре 9 января 1918 года корпус стал обладателем 20 пушек, 70 пулеметов, 15 тысяч винтовок (Süleymanov, 2014, с. 146). 19 января (1 февраля) были разоружены и солдаты русского корпуса, прибывшие из Ирана на корабле «Милютин». В целом, как свидетельствует целый ряд сообщений, с начала января уже шла организация азербайджанских военных сил в Баку. В подготовленном британской разведкой в январе 1918 года меморандуме о политическом положении на Кавказе подчеркивалось, что под руководством Мусульманского Национального Совета в Баку образованы мусульманские военные силы (Azerbaijandzhanskaya Demokraticheskaya Respublika, 2011, с. 158). 25 февраля (10 марта) Мусульманский военный штаб, с целью организации мусульманской дивизии, переехал из Тифлиса в Баку (Açıq söz, 1918, 26 fevral, № 691). Этот штаб, большинство которого составляли русские офицеры возглавлял генерал Х.Талышинский. По распоряжению Исполкома Бакинского Совета члены штаба и сам Х.Талышинский были арестованы, однако из-за серьезного недовольства мусульманского населения этой мерой они были отпущены на свободу под гарантией Н. Нариманова и М. Х. Везирова. Как пишет исследователь истории национальных военных сил М. Сулейманов, Мусульманский Национальный Совет приступил к обучению добровольцев военному делу при Бакинской кадетской школе, с привлечением к нему на общественных началах ряда военнослужащих (Süleymanov, 2014, с. 148). А в воспоминаниях очевидца событий М. Сеидли говорится о создании, в целях решения проблемы нехватки офицерских кадров, военной школы под руководством полковника Табасаринского в Чемберекенде, что вызвало беспокойство Бакинского Совета (Süleymanov, 2014, с. 134). В то же время мусульманские военные, во избежание противостояния, были переведены в Ленкорань. Эти силы присоединились к обеспечивающим порядок в Ленкорани милицейским частям.

Что же касается разоружения военных на корабле «Эвелина», то ясность в этот вопрос привносит Х. Байкара. Он пишет, что азербайджанский добровольческий полк хотел отправить оружие добровольцам в Ленкорани, однако Совет под руководством Шаумяна приказал не допустить этого. Находившиеся в Баку офицеры добровольческого

полка не подчинились этому приказу и погрузили оружие на корабль (Baykara, 1991, с. 227).

О вывозе большого количества оружия и боеприпасов буквально перед глазами Бакинского Совета, конечно же, не могло идти и речи. Однако очевидной была и необходимость хотя бы частичного снабжения оружием национальных сил (в основном отрядов милиции), охраняющих спокойствие и порядок в Ленкорани. С другой стороны, Бакинский Совет уже приступил к формированию красногвардейских частей. Эсеры, меньшевики, большевики, дашнаки организовывали красногвардейские отряды рабочих. В это время избранная в Бакинский Совета партия «Мусават» также потребовала создания своих военных отрядов, вернее сказать – включения рабочих-мусульман в гвардии Бакинского Совета (АОРДУДПАР, фонд 276, opis №3, delo №209, list 47). Однако это требование было отклонено под различными предлогами. Тем не менее, в промысловых районах создавались из рабочих добровольческие отряды, поддерживавшие партию «Мусават». И хотя трудно указать, какой численностью они обладали, само их существование в тот период отрицать невозможно.

Таким образом, пусть и не в большом масштабе и не столь стремительно, но все же шел процесс организации мусульманских военных формирований как единственных гарантов существования национальных сил Азербайджана. И это было крайне неприемлемым для Бакинского Совета фактом.

4 - Осуществление геноцида

Итак, после произошедшего 29 марта разоружения мусульманских солдат новость об этом событии мгновенно распространилась по городу. На следующий день, 30 марта, со всех концов города стало собираться недовольное население. В 9 часов утра был организован митинг мусульман в мечети Тезепир. Его участники избрали делегацию в составе 12 человек с тем, чтобы она до 6 часов вечера представила Исполкому Бакинского Совета требование вернуть оружие. Затем, в 12 часов, представители митингующих пришли в здание Исмаилие, которое являлось основным местом проведения мероприятий азербайджанских национальных сил, и потребовали от политических организаций добиться возврата оружия.

Между тем, большевики провели 29 марта заседание, на котором обсудили положение в уездах, отношения с партией «Мусават» и Городской думой (Fioletov, 1984, 96). А 30 марта ими был создан Революционный Комитет Оборона (РКО) промыслово-заводских районов города Баку, который возглавил председатель ВРК Кавказской Красной Армии Г. Корганов. РКО был объявлен объединенным высшим военно-

политическим органом всех советских организаций Бакинского района, и все другие революционно-политические организации города были переданы ему в подчинение (Bolsheviks v borbe, 1957, с. 327). В комитет, куда вошли С. Шаумян, П. Джапаридзе, И. Сухарцев, были приглашены также правый эсер С. Саакян, дашнак С. Мелик-Йолчян, гумметист Н. Нариманов.

В этот период деятельность Мусульманского Национального Комитета в Баку осуществлял Межпартийный Комитет, в который, наряду с другими политическими партиями, входили и мусульманские социалисты, не имевшие достаточного влияния среди населения. Мусульманский Национальный Комитет, переизбрание которого должно было начаться с января 1918 года, еще не был сформирован. М. Э. Расулзаде, лидер партии «Мусават», обладавшей наибольшим влиянием среди мусульманских масс, а также ряд других авторитетных представителей азербайджанских национальных сил, находились в это время в Тифлисе и принимали участие в деятельности Закавказского Сейма. Другой видный азербайджанский деятель, А. М. Топчибашев, из-за болезни уже два месяца почти полностью отдалился от участия в общественно-политической жизни Баку (Rustamova-Togidi, 2017, с. 25). Эти факторы сыграли не последнюю роль в неуправляемости недовольного мусульманского населения.

Кроме того, как уже было отмечено выше, негодование мусульманского населения вызывали и поступающие из уездов сведения. Распространяемые как органами печати, так и прибывающими из уездов в Баку людьми, эти сведения раскрывали факты убийств мусульман, поджогов их домов. Негодующее мусульманское население, прежде всего та ее часть, которая чувствовала свою ответственность за судьбы нации и уммы, требовало от азербайджанских национально-политических сил и их лидеров преодоления возникшей угрозы – угрозы против религии и нации. Это требование было правомерным и понятным. Однако, в результате, наибольшую привлекательность в глазах большинства протестующей мусульманской массы получили не национально-демократические политические силы, а консервативно-религиозные круги. В сравнении с первыми, предвидящими дальнейший ход событий, но не имеющими возможности реализации серьезных шагов, клерикалы были лишены способности глубоко анализировать политические процессы. Призывая население к борьбе за спасение мусульман, они не учитывали отсутствие у национального движения достаточной военной силы.

С. Ахундзаде, описавший в 1919 году события, очевидцем которых он был, пишет, что люди вышли на улицы с требованием: «...Русская национальная партия должна сдать оружие нашей армии и уйти отсюда» (Ахундзадэ, 1919, с. 55). Дело в том, что в представлении мусульманского населения большевики являлись именно русской национальной силой, русской партией. По словам С. Ахундзаде, хотя «Мусават» и другие мусульманские партии стремились успокоить население, оно не послушалось их, и, в результате, было принято подстрекающее чернь решение о том, что если большевистская власть до 6 часов не примет требование мусульман, ей будет объявлена война. Выдвигалось требование к большевикам вернуть оружие и не вмешиваться в политические дела мусульман (Ахундзадэ, 1919, с. 55).

Другой свидетель событий – М. Мурадзаде – в своих воспоминаниях, также написанных в 1919 году, осуждал ораторов, которые с большим воодушевлением призывали население к сражению (Muradzadэ, 1996, с. 29). Наконец, свидетельства этих авторов подтверждает и подробная запись А. М. Топчибашева. Из нее следует, что, по причине болезни самого Топчибашева, на состоявшемся в Исмаилийе собрании председателем был избран Молла Джавад. Однако представитель партии «Мусават» А. Кязымзаде и влиятельный общественный деятель Бехбуд бек Джаваншир призвали собравшихся не обострять отношения с Исполкомом Бакинского Совета. В целом, мусульманское население, в лице ее вышедшей на улицы, наиболее активной, протестующей части, не соглашаясь мириться с существующим положением, желало свержения укрепившейся с конца февраля 1918 года власти Бакинского Совета.

В такой момент многое зависело от позиции мусульманских социалистов – эсеров-мусульман и гумметистов. Поэтому Н. Нариманов после состоявшихся утром 30 марта митингов в мечети Тезепир и здании Исмаилийе созвал у себя дома заседание, на котором, помимо членов партии «Гуммет», участвовали также представитель Крестьянского союза Мирза Ахундов и уездный комиссар Алигейдар Юсифов. В 12 часов на заседание пришел Шаумян. Подчеркнув, что в случае беспорядков погибнут именно бедняки Нариманов попросил Шаумяна мирно разрешить ситуацию и передать оружие мусульманским политическим организациям или комитету, в состав которого они входят (Hümmət, 1918, 1 aprel, № 36).

Азербайджанские национально-демократические силы, как уже было сказано, в целом давали правильный анализ ситуации. Однако оно не обладало достаточной военной силой. Но, кроме того, в условиях, когда представители этого движения – азербайджанские политические деятели – пытались успокоить население и разрешить

проблему мирным путем, было неясно, как поведет себя армянская сторона в случае, если их усилия дадут положительный результат. Так, внезапно появившийся на вышеупомянутом собрании в мечети Тезепир бывший бакинский градоначальник Г. Тер-Микаэлян от имени Армянского Национального Совета и партии «Дашнакцутюн» пообещал мусульманам, что если они выступят против большевиков, то тогда армяне помогут им и вместе с ними выгонят большевиков из города (Rustamova-Togidi, 2009, с. 680). Подобные заверения армян придали мусульманам еще большую решимость в их противостоянии с Бакинским Советом. Даже А. М. Топчибашев выразил чувство удовлетворенности позицией Армянского Национального Совета (Rustamova-Togidi, 2017, с. 40). Однако, в действительности, эта позиция армянских политических сил была направлена на провоцирование дальнейшего противостояния мусульман с Бакинским Советом.

Дело шло к соглашению о возврате оружия мусульманам, но сложилась ситуация, которая вызвала среди них колебания. Представитель Армянского Национального Совета Тер-Газаров призвал мусульманских деятелей обсудить пути совместных действий. Обнародованное им послание Армянского Национального Совета гласило: «Баку – ваш город, здесь мы ни к чему не стремимся. Мы должны действовать вместе». Подобные заявления вызывали у мусульман надежду на скорое устранение большевистской власти во главе с Шаумяном, которая своей риторикой и конкретными действиями превратила азербайджанские национальные силы в свою мишень. Но внезапно начавшаяся стрельба положила конец всем надеждам и сомнениям.

Таким образом, именно армянские провокации привели к нападениям на мусульман. Предусматривалось, что вечером стороны проведут встречу в Исмаилийе. А. М. Топчибашев, А. Ашуров и Ас. Ахмедов ждали армянских представителей в Исмаилийе, однако те, решив поменять место встречи, попросили мусульманских деятелей придти в гостиницу «Метрополь» (Rustamova-Togidi, 2017, с. 40). Согласно А. М. Топчибашеву, встреча не состоялась из-за начавшейся уличной стрельбы. Армянская сторона, выражая стремление к совместным с мусульманскими политическими деятелями действиям, получила возможность контролировать предпринимаемые ими шаги.

Стрельба началась после достижения договоренности о возврате оружия, и любые переговоры с мусульманами были сразу же прекращены. Большевистскому руководству

Бакинского Совета было необходимо раз и навсегда одолеть своих противников. Дашнаки и Армянский Национальный Совет, в соответствии со своими политическими целями, также были заинтересованы в подобном ходе событий. Более того, они были готовы к ним. Что же касается мирного армянского населения, то, как свидетельствовали звучащие из его среды голоса, оно, пользуясь скоплением в городе такого большого количества вооруженных армян, получило возможность «отомстить за 1905 год».

Генерал-майор Баграмов, говоря о мартовских событиях, отмечал, что Армянский Национальный Совет, зная о предстоящих столкновениях в городе, разделил его армянскую часть на участки, с целью защиты армянского населения, и назначил их начальников. Для перекрытия всех путей из мусульманских селений, недопущения их жителей в город, взятия этих путей под огневой прицел, вокруг города были установлены позиции, которые заняли находящиеся в распоряжении у Армянского Национального Совета военный отряд Амазаспа, 2-й армянский резервный полк, одна батарея и артиллерия. Кроме того, при Армянском Национальном Совете был образован штаб обороны (Pogromi armyan..., 2003, с. 261). Генерал Г. Крганов в своих воспоминаниях также подчеркивал, что еще до событий между армянским и мусульманским кварталами города, в таких местах, как Арменикенд, Кешля, Черный город и других, были размещены армянские военные части (General Korganov, 2011, с. 153).

Очевидно, что мусульмане не смогли правильно оценить эти действия армян. Хотя на протяжении предшествующих трагическим событиям месяцев, когда в городе складывалась напряженная ситуация, естественным должно было казаться то, что каждая из сторон пытается обеспечить свою безопасность. Однако единственными, кто прислушивался к призывам политических сил не поддаваться провокациям, были именно мусульмане.

Дальнейшее развитие событий подробно описано очевидцами, относящимися к различным национальным и политическим группам, а также проанализировано авторами научно-исследовательских трудов. Ввиду того, что ход геноцида, свершившегося в Баку в марте 1918 года, его результаты, масштабы учиненных армянскими националистами зверств уже стали предметом широких исследований, мы не видим необходимости еще раз повторить детальный разбор данной темы. Просто считаем целесообразным прояснить ряд моментов касательно сути произошедших событий.

Так, решающую, сокрушительную роль во время погромов сыграло использование артиллерии и пулеметов против мусульман. Их кварталы подверглись огневому удару со стороны и армян Арменикенда, и Каспийской военной флотилии.

Понятно, что означают артиллерийские обстрелы мирного города, находящегося вдалеке от фронта мировой войны. Однако само вовлечение флотилии в бакинские события произошло вследствие провокации дашнаков. От имени последних в Военно-революционный комитет (ВРК Кавказской армии действовал под руководством большевиков в Баку с начала 1918 года – А.А.) поступило сообщение о том, что проживающие в Старом городе (Ичеришехер) христиане, якобы, уничтожаются мусульманами, а их имущество подвергается разграблению. После этого приказом ВРК флотилия приступила к бомбардировке мусульманских районов города (Axundzadə, 1919, с. 60).

Цели и причины «гнева против мусульман» со стороны каждой из «сражающихся» с азербайджанским национальным движением сил были различны. Мусульманское население Баку стало общей мишенью для вынужденных остаться в Баку русских солдат (они обвиняли мусульман в закрытии железнодорожных путей (Azərbaycan xalqına qarşı..., 2010, с. 339), ведущих борьбу с классовым врагом русских гвардейцев, испытывающих жажду крови своего «национального врага» армянских солдат и с большой ненавистью и энтузиазмом присоединившегося к ним армянского населения города – его и бедных, и богатых слоев, и образованной, и невежественной части. В погромах участвовали все категории армянского населения. Вначале последовало их обращение к РКО. С первого дня событий гвардейцы-армяне (дашнаки) уже были в распоряжении у Армянского национального совета. Это подтверждается воспоминаниями одного гвардейца-армянина, подчеркнувшего, что он был направлен в распоряжение Армянского Национального Совета Исполкомом Бакинского Совета (AOPDUDPAR, fond 268, opis 23, delo 101, list 1).

Однако, несмотря на все вышесказанное, участие гвардии в мартовских событиях не может расцениваться однозначно. Так, в свидетельских показаниях, собранных Чрезвычайной Следственной Комиссией, созданной правительством Азербайджанской Демократической Республики, приводятся факты спасения русскими солдатами или гвардейцами мусульман от армян (Rustamova-Togidi, 2009, с. 81, 88, 104, 119, 120, 134, 145, 147, 152). Кроме того, из них следует, что если для действующих в составе гвардии армян происходящее было «борьбой с национальным врагом», то со стороны русских оно воспринималось как гражданская война. Во всяком случае, принятие этой «гражданской войной» характера геноцида, масштабы совершенных в ходе нее зверств,

пусть и на краткосрочный момент, но превратили определенную часть не-армян в рядах гвардии в защитников мусульман. Тот факт, что, по сравнению с гвардейцами-русскими, гвардейцы-армяне действовали во время резни также как и дашнакские войска, в частности занимались грабежом и разбоем, подтвердили впоследствии и армянские большевики (Azərbaycan xalqına qarşı, 2010, с. 379).

Очевидно, что большевики, в целом, были заинтересованы в укреплении своих политических позиций. Управляя событиями, они по ходу происходивших погромов стремились сосредоточить в своих руках все захватываемое имущество и богатство. Собственно, этот фактор выступал в качестве одного из неперенных элементов при проведении большевистской политики. В частности, по этой причине экспроприация имущества богатых мусульман, взятых в заложники дашнаками в кинотеатрах «Рекорд» и «Эдисон» и театре Маилова, была поручена большевистской дружине (Azərbaycan xalqına qarşı, 2010, с. 334). 31 марта мусульмане вынуждены были прекратить сопротивление. Тем не менее, противная сторона продолжила погромы до 2 апреля. Свидетели событий подчеркивают, что армяне и на третий день снова обходили дома в поиске оставшихся мусульман (Muradzadə, 1996, с. 22).

Следует подчеркнуть, что в самом начале событий мусульманское население пыталось оказать серьезное сопротивление карательным акциям большевистско-дашнакского альянса. Особую роль в этом играли добровольческие отряды партии «Мусават». Их основную часть составляли рабочие, являвшиеся членами этой партии. Им удалось даже нанести поражение красногвардейцам в Сураханах. Однако наличие бронепоезда позволило красногвардейцам подавить сопротивление национальных сил в Сураханах, Амирджане, Бюльбюля (Bolshevikləri v borbe..., 1957, с. 336).

В историографии не сложилось единодушного мнения о том, что представляли из себя в количественном отношении военные силы «Мусавата» и других азербайджанских национальных сил того периода. По нашему мнению, характеризуемые большевиками в качестве «национальных сил» или «Дикой дивизии» военные части представляли собой объединенные общим названием мусульманские нерегулярные формирования. В действительности, эти силы состояли из добровольческого отряда, выступающего в качестве национального военного формирования и собранного из представителей привилегированных слоев, гвардии «Мусавата», сформированной рабочими-мусаватистами, бакинских гочи и присоединившихся к ним небольших разрозненных отрядов отдельных лиц, которые подверглись нападению и стали вооруженными защитниками своих семей. Хотя процесс организации азербайджанских национальных

военных сил, действительно, имел место, об их существовании в качестве укомплектованной регулярной армейской части не могло идти и речи. Это реализовалось позже, но, тем не менее, во время геноцида в Баку большевистско-дашнакским войскам противостояла военная сила, фактически воплощавшая собой сопротивление азербайджанского народа.

Наконец, под воздействием требований 36-го Туркестанского полка и угроз матросов, а также после активного вмешательства председателя Исполкома Бакинского Совета П. Джапаридзе погромы были приостановлены (Rustamova-Togidi, 2009, 81). К слову сказать, матросы пригрозили, в случае продолжения погромов, подвергнуть артиллерийскому обстрелу армянонаселенные кварталы города, и с этой целью к порту приблизились корабли «Ардаган» и «Красноводск» (Rustamova-Togidi, 2009, с. 82).

1 апреля в 1 час дня РКО дал ультиматум «Мусавату и другим национальным группам». Ультиматум состоял из таких требований, как безусловное принятие власти Бакинского Совета, недопустимость присутствия на территории Баку и его районов «Дикой дивизии», вывод из города или подчинение Совету также и других мусульманских национальных частей, равно как и армянских частей, осуществление срочных мер по открытию железных дорог Баку-Тифлис и Баку-Петровск. Как писал позже А. М. Топчибашев, это были условия мира, и с целью его подписания делегация, в которую входили он сам, А. Кязымзаде, А. Асадуллаев, А. Ашуров, А. Амирджанов, Арутюнов и Газаров, была отконвоирована под руководством Б. Авакяна в ИК Бакинского Совета. В тот же день, в половине шестого, было созвано расширенное заседание РКО, в котором приняла участие и делегация мусульман. Мусаватист А. Кязымзаде заявил о том, что представляемая им партия принципиальным образом признает Советскую власть, однако не принимает ее из-за «технических условий».

Необходимо подчеркнуть, что в это время в ИК Бакинского Совета пришла и другая делегация. В ее состав входили Гаджи Мир Мовсум, Молла Мамед Ханифа, Гаджи Гусейн Тагиев, от армян – Тер-Микаэлян, доктор Исаханян, Атабекян, Гюльханданян, а также Илюшкин, Лунев и другие. По итогам переговоров мусульманская и армянская стороны подписали условия мира (Rustamova-Togidi, 2017, с. 42). Подписание армянами мира, с учетом того, что они не оказывали никакого сопротивления большевикам, было обманным шагом. В действительности же, армянские части не спешили содействовать утверждению мира. Так, Джапаридзе предложил

обойти весь город и объявить населению о достижении мира; для этого была избрана делегация в составе ахунда Моллы Джавада, Гаджи Мир Мовсума, Гаджи Гусейна Тагиева, доктора Атабекияна, члена ИК Бакинского Совета эсера Денежкина. Однако армянская сторона с целью предотвращения усилий по установлению мира выразила свой протест делегации. Когда же делегация стала направляться в мусульманскую часть города, армянские солдаты открыли огонь и убили всех членов делегации, кроме Моллы Джавада. Несмотря даже на то, что в ее состав входили и двое активистов эсеровской партии.

После того как стали очевидны капитуляция мусульман и ликвидация «угрозы» для большевистской власти, последняя приступила к мерам по обеспечению контроля над ситуацией в городе. Как пишет один из очевидцев событий С. Ахундзаде, советская власть, увидев, что война стала не политической, а национальной войной, стала немедленно предпринимать такие меры, как отзыв с улиц и окопов армянских войск и назначение на их место русских войск (Ахундзаде, 1919, с. 62). М. Мурадзаде, подтверждая это, подчеркивает: «Нам сообщили о том, что на улицах уже видны русские солдаты и что мусульман, отбираемых из рук диких сил, ведут в сыскную полицию (...) В полиции нам выделили отдельное помещение и проявили сострадание, которое соответствует помощи и уважению к подвергшимся несчастью» (Muradzade, 1996, с. 24). Решив поставленные задачи, большевики объявили о создании Бакинским Советом местного властного органа Советской России – Бакинского Совета Народных Комиссаров (СНК). Тем самым, на части территории Азербайджана была установлена советская власть.

Сразу после мусульманских погромов армянские политические силы, впав в эйфорию от «победы», стали готовиться, с целью реализации своих главных политических целей, к наступлению на Гянджу. Армянский Национальный Совет, стремясь всячески обеспечить снабжение армянских войск, планировал после захвата Гянджи направить их на войну с турками. Для этого с Бакинским Советом была достигнута договоренность о снабжении. Однако ситуация на Северном Кавказе изменила эти планы. Армянский Национальный Совет вынужден был согласиться с требованием Бакинского Совета, от которого он зависел в вопросе снабжения, об отправке армянского отряда на Северный Кавказ (Pogromi arman, 2003, с. 263).

После того, как большевики укрепили свои позиции в Баку, Шаумян решил, наконец, проинформировать Центр о произошедших событиях. Лишь 13 апреля он ответил на письмо Сталина от 19 марта (1 апреля). Шаумян, оправдывая тактический

союз большевиков с дашнаками, пишет: «Решалась судьба Закавказья. Если бы они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана, все немусульманские элементы были бы обезоружены, вырезаны. Мусульманские контр-революционные элементы оказались бы хозяевами положения во всем Закавказье» (Azərbaycan xalqına qarşı..., 2009, с. 114). С целью оправдания своей политики Шаумян отмечал: «участие последних (дашнаков - А.А.) придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это». (Azərbaycan xalqına qarşı..., 2009, с. 115) А в своем выступлении 19 апреля в Бакинском Совете он отмечал: «Национальный состав нашего города пугал нас <...> Победа настолько велика, что это мало омрачает действительность» (Şaumyan, 1978, с. 264). В действительности, разъяснения Шаумяна соответствовали общей политической тактике большевиков, а потому вполне устраивали Центр. Примечательно лишь то, что в этих разъяснениях не было выражено никакого отношения к предложению Сталина касательно требования мусульман об автономии.

Таким образом, Бакинский Совет использовал самое жесткое силовое средство для сохранения своей власти, решившись на уничтожение социальной базы выступавшей его противником политической силы - национально-демократического движения Азербайджана. Вступив в союз с дашнаками, большевики фактически использовали одну национальную группу против другой. Это признал и дашнакский лидер О. Качазнуни: «Большевикам могли противопоставить реальную силу лишь две партии – татарский «Мусават» и армянский Дашнакцутюн. Но для того, чтоб иметь успех в своей борьбе с большевизмом, этим партиям необходимо было объединиться, - а это было немыслимо, потому, что не было взаимной веры и доверия. С точки зрения безопасности армянского населения Баку, диктатура большевиков было значительно приемлемее, чем «Мусавата»» (Kachaznuni, 1990, с. 21).

«Тактический шаг» большевиков в Баку был критически расценен и Сталиным. Встретившийся с ним в Царицыне большевик Г. Гаджиев пишет в своих воспоминаниях: «Я помню, что тов. Сталин заявил, что повидимому не долго придется нам быть в Баку, ибо мартовские события, принявшие характер национальной войны были очень неудачны. Он говорил «вы неправильно подошли, настроив одну национальную группу на другую»» (Azərbaycan xalqına qarşı..., 2010, с. 371).

Кроме того, и гумметисты в своих статьях, выступлениях, обращениях еще длительное время расценивали события марта 1918 года как национальную резню (Abışov, 2017, 65). Н.Нариманов позже подчеркивал: «Кто может сказать, что армянские вооруженные отряды вели в Баку гражданскую войну?» (Narimanov, 1989, с. 188). Трагические мартовские события привели к расколу среди гумметистов.

5-Вмешательство Закавказского Сейма в бакинские события

Происходящие в Баку события потребовали вмешательства мусульманской фракции, решавшей национальные задачи в рамках Закавказского Сейма. В связи с тем, что в Баку не работал телеграф, информация о трагедии была передана в Тифлис 1 апреля через Гаджигабульский телеграф. На следующий день, 2 апреля (20 марта), Х. Мелик-Асланов сообщил на заседании Сейма об ужасных погромах в Баку, учиненных большевиками в отношении азербайджанцев. Резко выступивший по этому вопросу А. Сафийюрдский заявил, что если не будут приняты меры, народ сам поднимется на свою защиту (Stenogrammi zasedaniy Zakavkazskogo Seyma, 1919, с. 35).

С учетом требований мусульманской фракции и достигнутого в связи с этим в Сейме согласия, было принято решение направить в Баку мирную делегацию во главе с министром внутренних дел И. Рамишвили. Однако РКО, не заинтересованный в приезде закавказской делегации и ознакомлении ею с ситуацией в Баку, выразил резкий протест против этого решения, заявив о том, что произошла не братоубийственная резня, а гражданская война. До сведения мирной делегации было даже доведено, что бакинский пролетариат встретит ее с гневом и ненавистью (Bakinskiy rabochiy, (1918), 23 aprelya, № 72).

Однако у Сейма, обеспокоенного усилением большевиков на фоне широких откликов на бакинские события и решительных требований мусульманской фракции, не было иного пути, кроме принятия действенных мер. На состоявшемся 3 апреля заседании Кавказского Краевого Совета Н. Жордания заявил о намерении Заксейма начать военные действия с целью взятия Баку (Azimov, 1987, с. 246). Для ведения этих действий Сейм принял решение передать в помощь мусаватистам 100 тысяч рублей, пехотные и конные части, 2 аэроплана, бронепоезд, много оружия и боеприпасов (Süleymanov, 2014, с. 183).

Председатель Бакинского комитета партии «Дашнакцутюн» Гюльханданян, обеспокоенный заявлением Жордания, отправил радиограмму и председателю Сейма, и Тифлисскому бюро партии, в которой отметил недопустимость участия Сейма в войне против Бакинского Совета. Бакинский комитет дашнакской партии настаивал, чтобы и председатель Сейма, и Тифлисское бюро выступили с требованием к Закавказскому

правительству отозвать свои войска. Пытаясь оправдать действия бакинских дашнаков, их лидер прибег даже к откровенной лжи, отметив в радиограмме якобы уничтожение мусульманскими частями в Шамахе всех армянских и русских сел и прибытие в Баку 30 тысяч беженцев (Bakinskiy raboçiy, 1918, 18 aprelya, №68). Однако, несмотря на попытки дашнаков помешать претворению решения Заксейма, в Баку все же направился военный отряд под командованием полковника Л. Магалова.

В столь тяжелой для азербайджанцев ситуации мусульманская фракция, не уповая только на предпринимаемые Сеймом меры, отправила в Трабзон, с целью информирования турецкой стороны о событиях в Баку, М. Э. Расулзаде и Г. Бамматова. Одновременно было принято обращение о помощи к лидеру национальных сил Дагестана Н. Гоцинскому (Таakho-Godi, 1927, с. 48).

К движущемуся в направлении Баку дагестанскому полку Н. Гоцинского по пути присоединились местные силы Губы, Хачмаза и Девечи. В соответствии с согласованным планом, предусматривалось наступление на Баку с трех направлений. С севера наступал отряд имама Гоцинского, с запада – силы Закавказского правительства, с Гаджигабульского и Шамахинского направлений – подразделения Мусульманского корпуса. Отряд Магалова, проведя успешную операцию, занял в апреле станцию Гаджигабул. 3-тысячный отряд во главе с И.Зиядхановым прибыл в Шамахе (в это время здесь уже начались мусульманские погромы – А. А.). Затем эти силы должны были двинуться на Баку (Süleymanov, 2014, с. 184).

8-10 апреля близ Хырдалана произошли сражения между силами Бакинского Совета и отрядом Гоцинского. Они завершились поражением последнего. Военный историк М. Сулейманов пришел к выводу о том, что несогласованность действий сил, двигавшихся в направлении Баку, а также тот факт, что разрозненно ведущиеся военные операции не дали должного результата, обусловили решение дагестанцев повернуть обратно (Süleymanov, 2014, 187). Потерпел поражение и наступавший с другого направления отряд Л. Магалова. Причину его поражения члены мусульманской фракции видели в двойственной политике грузинских меньшевиков по отношению к большевикам (Zaqafqaziya Seyminin., 2006, с. 58).

Дело в том, что грузинские меньшевики, хоть и согласились отправить против большевиков военный отряд Закавказского правительства, но задерживали под различными предлогами доставку для него боеприпасов, несмотря на ежедневные

телеграммы Л. Магалова в Тифлис (Zaqafqaziya Seyminin..., 2006, с. 58). По этой причине мусульманская фракция на своем чрезвычайном заседании, проведенном 7 апреля, приняла решение уведомить Закавказское правительство о том, что министры-мусульмане выйдут из его состава в случае не оказания помощи отряду Л. Магалова. Азербайджанские политические деятели уже категорическим образом ставили вопрос о независимости Закавказья (Zaqafqaziya Seyminin..., 2006, с. 59).

После мартовских событий противоречия внутри Сейма значительно обострились, пути мусульманской фракции все заметнее отдалялись от путей армянской и грузинской фракций. Другими словами, надежды национальных политических сил Азербайджана на автономию, равно как и идея единой государственности Южного Кавказа, теряли свое значение.

Вывод

Пережитая азербайджанским народом в ходе его национально-освободительной борьбы трагедия – геноцид в Баку и Бакинской губернии – не была лишь следствием деятельности армянского национализма. Это было объективно обусловленное событие, которое привело к крайней поляризации разнонаправленных политических сил, вступивших еще с марта 1917 года в бескомпромиссную борьбу друг с другом на Южном Кавказе, особенно в Баку. Оно стало, по сути, решающей вехой в прояснении характеризующих эту борьбу неопределенностей, этапом развязки узлов. Так, с образованием Закавказского Сейма неизбежным было отделение Южного Кавказа от большевистской России. Последняя же, для своего укрепления на Кавказе, опиралась на Бакинский Совет, который к марту 1918 года уже был готов к наступательным действиям в данном направлении.

С другой стороны, после заключения Брест-Литовского мира развернутая Османской империей борьба за обладание территориями, на которые она претендовала, обострила противоречия между азербайджанскими национальными политическими силами, с одной стороны, и армянскими и грузинскими силами, с другой. Первые воспринимались как сторонники Османского государства, а потому оказались на Южном Кавказе в изолированном положении. Азербайджанские национальные силы являлись основным препятствием на пути реализации политических целей как большевиков, так и представленных в Бакинском Совете и Закавказском Сейме дашнаков.

Под влиянием процессов, протекающих в регионе в этот период, в уездах Азербайджана, как и на всем Кавказе, усилились беспорядки и анархия, которые, в свою очередь, обострили национальные противоречия. В условиях, когда азербайджанские

национальные силы еще не стали обладателями политической власти, насилие и несправедливость, которым подвергалось мусульманское население, переполнили чашу его терпения. Поэтому мусульманская часть Баку не соглашалась с властью Бакинского Совета и даже требовала его низложения. В азербайджанском национально-демократическом движении было понимание того, что в случае начала столкновений народ захлебнется в крови. Однако усилия, направленные на предотвращение этих столкновений, оказались безуспешными.

Меньшевики и большевики – главные противники национальных сил Азербайджана – оказались более расчетливыми при формировании своей политической позиции в Баку рассматриваемого периода. Но в то время, как меньшевики ожидали благоприятного момента для ограничения влияния национальных сил, прежде всего партии «Мусават», большевики, вступив в альянс с дашнаками, резко повернули ситуацию в свою пользу. Между тем, дашнаки, враждебно относившиеся к азербайджанским национальным политическим силам, положили конец своим колебаниям внутри социалистического лагеря, которые проявлялись уже на протяжении трех месяцев, и поддержали большевиков, что и привело, в результате, к геноциду азербайджанского народа.

Геноцид, ставший следствием совпадения тактических интересов большевизма и армянского национализма, произошедший в 1918 году на определенной территории Азербайджана – в Баку и губернии, хоть и привел к закреплению здесь власти большевистской России, но одновременно дал толчок и началу качественно нового этапа в истории азербайджанского национального движения.

Таким образом, в марте 1918 года каждая из существовавших в Баку политических сил действовала сообразно своей сущности. Что же касается азербайджанского народа, то он продемонстрировал в ходе этих трагических событий сильную волю к справедливости и защите своего права на безопасную и свободную жизнь. Поэтому геноцид в Баку, по своим политическим результатам, стал событием, характеризующимся тем, что азербайджанский народ не просто был принесен в жертву, но и вышел победителем из сурового исторического испытания.

Spisok literatury

Abışov, V. (2017). *Bakıda Azərbaycan xalqına qarşı 1918-ci il mart soyqırımı*. Elm nəşriyyatı.

Afanasiyan, S. (2012). *Ermənistan, Azərbaycan, Gürcüstan. İstiqlaldan sovet rejiminin qurulduğu dönəmə qədər 1917-1923* (Tərcümə edən G. Gəncəlp). Qanun nəşriyyatı.

Axundzadə, S. (1919). *Mart hadisəsi 1918-ci il yaxud Nuru Paşanın Bakını işğal etməsi* (Aşırılı, A. (2011) *31 mart soyqırımı 1918-1920-ci illər mətbuatında*. kitabında).

Azərbaycan xalqına qarşı 1918-ci il mart soyqırımı (2009). Sənədlər toplusu [üç cildə], cild 1, Çəşioğlu.

Azərbaycan xalqına qarşı 1918-ci il mart soyqırımı (2010). Sənədlər toplusu [üç cildə], cild 3, Çəşioğlu.

Bakı xəbərləri. (26 fevral 1918). *Açıq söz*, № 691.

Bakı xəbərləri. (4 mart 1918). *Açıq söz*, № 695.

Baykara, H. (1991). *Azərbaycan istiqlal mübarizəsi tarixi*. Azərnəşr.

Həsənli, C. (2009). *Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin xarici siyasəti (1918-1920)*. Garizma.

Qafqaz xəbərləri. (18 Mart 1918). *Açıq söz*, №704.

Qanlı faciədən 4 saat qabaq. (1 Aprel 1918). *Hümmət*, № 36.

Muğanda. (18 mart 1918). *İttihad*, № 82.

Muradzadə, M. (1996). *Mart hadisəsi–aliməsi*. Azərnəşr.

Süleymanov, M. (2014). *Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin hərbi tarixi* [2 cildə], c.1. Firuzan.

Şaumyan, S. (1978). *Seçilmiş əsərləri* [2 cildə], cild 2. Azərnəşr.

Zaqafqaziya Seymininin Müsəlman fraksiyası və Azərbaycan Milli Şurası iclaslarının protokolları 1918-ci il (2006). Adiloğlu.

Azerbaydzhanskaya Demokraticeskaya Respublika. Arkhivnyye dokumenty Velikobritanii (2011), Sostavitel: N.Maxvell. Sharg-Garb.

Azimov, G. (1987). *Velikiy Oktyabr v Azerbaydzhane*. Az.Gos.İzdat.

Bolsheviki v borbe za pobedu sotsialisticheskoy revolyutsii v Azerbaydzhane Dokumenty i materialy 1917-1918 gg. (1957). Azərnəşr.

Vospominaniya Balasanyana, Arkhiv Obshestvenno Politicheskikh Dokumentov Upravleniya Delami Prezidenta Azerbaydzhanskoy Respubliki (AOPDUDPAR), fond 268, opis 23, delo 101, list1.

Dadayan, X. (2007). *Armyane i Baku (1850-1e gg. – 1920 g.)*. Perevod s armyanskogo yazıka. Noravank.

- Darabady, P. (1991). *Voenniye problemi političeskoj istorii Azerbaydjana nachala XX veka*. Elm nəşriyyatı.
- General Korganov, G. (2011). Uchastiyearmyan v mirovoy voyne na Kavkazskom fronte (1914-1919). (yayın yeri yok).
- Kachaznuni, O. (1990). *Dashnaksutyun bolshe nichego delat!*. İzdatelstvo Elm.
- Mestnaya khronika. Armyanskiye ofitserı. (1 yanvary 1918). *Baku*, № 3.
- Mestnaya jizn. U musulman. (7 Marta 1918). *Nash golos*, (№ 48).
- Narimanov, N. (1989). *İzbranniye proizvedeniya* [v 3-kh tomakh], tom 2. 1918-1921. Azerneshr.
- Na konferensii Bak. Org. Sots. Dem.Partii. (18 Marta1918). *Nash golos*, № 58.
- Opasniy put. (16 marta 1918). *Nash golos*, № 56.
- Pogromi armyan v Bakinskoy i Yelizavetpolskoy guberniyakh v 1918-1920 gg.* (2003) (sb. Dokumentov i materialov). (yayın yeri yok).
- Posledniye izvestiya. Na mugani. (13 Marta 1918). *Nash golos*, № 53.
- Poslednyaya pochta. V natsionalnikh voyskakh. (18 Fevraya 1918). *Baku*, №39.
- Protokol zasedaniya İspolnitelnogo Komiteta Bakinskogo Soveta 18 (5) fevralya 1918 g. *AOPDUDPAR*, fond 276, opis №3, delo №209, list 45-48.
- Protokol zasedaniya Bakinskogo Soveta 15 (2) Marta 1918 r, *AOPDUDPAR*, fond 276, opis №3, delo №209, list 108-125.
- Radiotelegramma na imya predsedatelya Zakafkazskogo Seyma i Byuro partii Dashnaksuty v Tiflise. (18 Aprelya1918). *Bakinskiy raboçiy*, № 68.
- Radiotelegrammı: Otvet İ. Ramishvili. (23 Aprelya 1918). *Bakinskiy raboçiy*, № 72.
- Ratgauzer, Y. (1927). *Revolyutsiya i grajdanskaya voyna v Baku 1917–1918 g.* (yayın yeri yok).
- Rustamova-Togidi, S. (2017). Beschennyıy dokument o martovskikh cobitiyakh 1918 g.v Baku: Zapisi Ali Mardan beka Topchubasheva, *Strateji təhlil*, 1-2 (19-20), 25-57.
- Rustamova-Togidi, S. (2009). *Mart 1918 g. Baku*. Azerbaydzhanskiye pogromı v dokumentakh, Baku.
- Rustamova-Togidi, S. (2013). *Shemakha. Mart-iyul 1918 g. Azerbaydzhanskiye pogromı v dokumentakh*: [v 2-kh tomakh]. Gorod Shemakha, tom.1. (yayın yeri yok).

Rustamova-Togidi, S. (2013). *Shemakha. Mart-iyul 1918 g. Azerbaydzhanskiye pogromı v dokumentakh: [v 2-kh tomakh]. Seleniya Shemakhinskogo uezda, 2.* (yayın yeri yok).

Stenogrammı zasedaniy Zakavkazskogo Seyma, 19-oye zasedaniye (1919). (yayın yeri yok).

Stenogrammnyı otchet vechera vospominaniy bivshikh krasnogvardeytsev st. Adjigabul AOPDUDPAR, fond 276, opis 2, delo 224, list16, 18, 31.

Taakho-Godi A. (1927), *Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane.* Makhachkala.

Fioletov, İ.(1984). *Rechi i dokumentı.* Azerneshr.